

Этот сон Нин Гуйчжу оказался особенно крепким.

У некоторых, видимо, силы было столько, что девать её было некуда - будто решили вколотить его в кровать насмерть. Хотя им обоим всего по восемнадцать-девятнадцать лет, Нин Гуйчжу всерьёз почувствовал, что дни его сочтены.

К счастью, это было лишь ощущение.

По привычке он потянулся рукой к соседнему месту. Почувствовав, что место, где лежал Сюн Цзиньчжоу, уже остыло, Нин Гуйчжу открыл глаза и некоторое время смотрел в потолок. Затем, зевая, плотнее закутался в одеяло, перевернулся на другой бок и ещё немного подремал. Полусонный, он вдруг вспомнил, что сегодня собирались приводить в порядок уборную, и тут же рывком сел на кровати.

— Ай-ай-ай... больно, больно...

Потирая поясницу, Нин Гуйчжу медленно лёг обратно. Немного полежав и дождавшись, пока сведённые мышцы расслабятся, он наконец не спеша поднялся.

Одевшись, он несколько секунд смотрел на постель, а затем снял простыню и пододеяльник. Вчера они немного слишком разошлись, так что бельё теперь требовало стирки.

Он нашёл большой деревянный таз, замочил в нём простыню и пододеяльник и подумал, что неплохо бы сделать ещё несколько жердей для сушки - потом можно будет вынести и проветрить одеяла.

Решив так, Нин Гуйчжу только тогда заметил, что Сюн Цзиньчжоу нет дома. Он удивлённо осмотрелся и обнаружил, что собак тоже нигде не видно. Наверное, ушли к дому родителей.

Особо задумываться он не стал. Вывел Маньтоу наружу и привязал его у бамбуковой изгороди, затем похлопал по боку:

— Гуляй неподалёку, понял?

Маньтоу: «...»

Печально взглянув на удерживающую его уздечку, он перепрыгнул через бамбуковую изгородь и отправился щипать траву снаружи. Нин Гуйчжу не стал обращать на него внимания. Выпустив кур и уток из клеток, он взял корзину и нож, сходил в рощу позади дома, нарезал травы и высыпал её в загон, а потом зашёл на кухню, взял один маньтоу и отнёс его мулу, который щипал траву возле изгороди.

Собак дома не было, а маньтоу, если оставить надолго, терял вкус, поэтому Нин Гуйчжу не стал готовить завтрак для этих двоих. Он зашёл на кухню, зачерпнул немного горячей воды, умылся и, подняв крышку глиняного котла, заглянул в варящуюся кашу. Кто знает, когда Сюн Цзиньчжоу успел её поставить - рис уже совсем разварился. Нин Гуйчжу помешал кашу ложкой, зачерпнул немного в чашку и попробовал. Отвар стал густым и наваристым. Поставив чашку обратно, он перелил кипящую на плите воду в кувшин, а оставшуюся налил в деревянный таз и отставил в сторону. Засучив рукава, он задумался, какую закуску приготовить к каше.

Соленый дома не было, сушёных овощей тоже оставалось совсем немного, только те дикие травы, что они сушили раньше. Хорошенько подумав, Нин Гуйчжу пришёл к выводу, что, кроме яичной подливки, ничего подходящего к каше всё равно не найдётся.

Он сходил на задний двор, сорвал немного зелёного лука, вымыл и мелко нарезал. Затем достал из шкафа три яйца. Разогрев масло в котле, разбил туда яйца, добавил соль и соевый соус, обжарил всё до рассыпчатого состояния, после чего всыпал лук, быстро перемешал до появления аромата и переложил готовое блюдо в чашку.

Поставив чашку с яичной крошкой на стол, Нин Гуйчжу выглянул в окно кухни.

— Почему всё ещё не вернулся?

Пробормотав это себе под нос, он вышел из кухни и несколько раз позвал Сюн Цзиньчжоу.

— Дядя, вы ищете младшего дядю? — из-за угла дворовой стены высунулась головка Сюн Иньинь. — Младший дядя ушёл из деревни. Он сказал, что скоро вернётся, и велел вам, когда проснётесь, сначала позавтракать.

Нин Гуйчжу спросил:

— Иньинь знает, куда он пошёл?

Девочка покачала головой. Увидев это, Нин Гуйчжу пришлось проглотить своё любопытство. Он поманил ребёнка рукой:

— Иньинь, хочешь позавтракать вместе с дядей?

Девочка явно соблазнилась предложением, но всё же покачала головой:

— Не нужно, я уже завтракала.

Сказав это, она тут же спрятала голову обратно, словно боялась, что ещё немного, и не сможет

устоять перед искушением. Нин Гуйчжу беспомощно улынулся, ещё раз посмотрел в сторону дороги за деревней и вернулся на кухню. Налив себе чашку каши, он стал неспешно есть. Поскольку яичная крошка готовилась специально к каше, соли в ней было чуть больше обычного. Когда её смешивали с рисом, вкус становился идеальным. Нежность яйца, насыщенный аромат зелёного лука и разваренная рисовая каша сочетались настолько удачно, что блюдо можно было назвать безупречным.

Наевшись, Нин Гуйчжу убрал оставшуюся половину чашки яичной крошки в шкаф, вымыл посуду, привёл всё в порядок, затем зачерпнул немного горячей воды из таза, сполоснул котёл и перелил эту воду в бамбуковый тубус, поставив в сторону: когда собаки вернутся, можно будет приготовить им завтрак.

Вчера Сюн Цзиньчжоу уже разделал свиную голову. В шкафу стояла большая миска мяса и половина таза нарубленных костей. Нин Гуйчжу достал половину костей, промыл их, положил в котёл, налил полный котёл воды, вымыл немного лука, завязал узлом и бросил внутрь. Накрыв крышкой, он развёл огонь и оставил всё томиться.

Поставив костный бульон вариться, Нин Гуйчжу посмотрел на столбы во дворе и начал думать, как привести в порядок уборную. Стены домашнего туалета были ещё новыми, выгребную яму тоже можно было считать пустой. Главным образом нужно было как-то прикрыть место, где сидят, чтобы не было прямого доступа к яме. Иначе, когда она заполнится, стоит только представить ползающих там комаров и насекомых, и уже тошнит.

Нин Гуйчжу вспомнил старые туалеты, которые видел раньше, и его едва не вывернуло. Совсем не желая столкнуться с такой картиной, он засучил рукава, взял бамбуковую ветку и начал чертить по земле.

Во-первых, самое главное! Нужно отделить отхожее место от выгребной ямы, нельзя оставлять всё настолько открытым.

Он чертил и переправлял, потом сбегал в задний двор посмотреть на устройство туалета, снова вернулся во двор и продолжил рисовать на земле.

Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся, он увидел лишь сгорбившуюся над землёй фигуру. Тихо подойдя ближе, он заглянул:

— Это что?

Нин Гуйчжу давно заметил его ноги и, не поднимая головы, ответил:

— План уборной. Иди скорее ешь. Как поешь, сразу начнём работать.

— А, ладно.

Сюн Цзиньчжоу пошёл на кухню, а за спиной услышал голос Нин Гуйчжу:

— Я оставил тебе в шкафу половину чашки яичной крошки. Достань и съешь, не оставляй.

— Понял!

Сюн Цзиньчжоу взял большую чашку, перелил в неё всю кашу из глиняного котла - получилось почти до краёв. Он сделал пару глотков, потом высыпал туда яичную крошку и перемешал. С чашкой в руках он подошёл к Нин Гуйчжу, зачерпнул ложку и первым делом поднёс к его губам.

Нин Гуйчжу уже закончил чертёж и теперь тщательно стирал пододеяльник с простынёй. Когда Сюн Цзиньчжоу внезапно поднёс кашу к его рту, он не успел среагировать и машинально открыл рот. Только когда каша оказалась во рту, он замер, а щёки тут же заметно покраснели.

Наконец-то удалось покормить фулана - настроение у Сюн Цзиньчжоу стало особенно хорошим. Он тут же зачерпнул ещё ложку и снова протянул к Нин Гуйчжу. К сожалению, на этот раз Нин Гуйчжу уже был готов и отвернул голову, не дав ему добиться своего. Сюн Цзиньчжоу, впрочем, не расстроился: сам съел эту ложку и сказал:

— Каменщик придёт после полудня. Если накормим его обедом, то за три с половиной лян максимум он сложит нам всю стену, ещё и поверхность обмажет.

Стена у семьи Сюн как раз была обмазана снаружи, иначе Нин Гуйчжу не перепутал бы каменную стену с кирпичной.

— Значит, ты с утра ходил искать каменщика, — Нин Гуйчжу остановил руки. — Ты сказал ему, что нужно оставить два входа? Если сделать дверь со стороны заднего двора, нам будет удобнее ходить в лес и на гору.

— Двери надо заказывать у плотника. Когда начнём строить, тогда и скажем, ещё успеем, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу кивнул и сказал:

— Потом не забудь сделать две жерди для сушки, нужно вынести одеяла проветрить.

— Хорошо.

Когда Сюн Цзиньчжоу позавтракал, они начали работать. Сначала нужно было разобрать бамбук во дворе. Этот бамбук Сюн Цзиньчжоу и Сюн Шишань нарубили в тот день, когда

делали тофу: изначально его хотели использовать, чтобы учить Сюн Цзиньпина плетению, но торговля доухуа неожиданно пошла слишком хорошо. Сюн Цзиньпин ездил в город, возвращался, занимался домашними делами, и за день у него даже не находилось времени после возвращения Нин Гуйчжу со службы. Теперь этот бамбук как раз пригодился им самим.

Тесаком легко было расколоть бамбук, а вот распилить ровно, не повредив, уже сложнее. Сюн Цзиньчжоу сходил одолжить пилу и распилит стволы на отрезки. Нин Гуйчжу пробил перегородки внутри бамбука, примерил по размерам концы, соединил их и проверил, как сходитесь стык. Затем тесаком сделал на обоих концах по два надреза с промежутком около сантиметра, выскоблил тоньше бамбук между ними и лёгким нажимом кончика ножа быстро пробил отверстие. Выстругав несколько толстых бамбуковых гвоздей, он скрепил бамбуковую дверцу. Проверив прочность, поднял голову и посмотрел в сторону Сюн Цзиньчжоу.

Пока он возился, Сюн Цзиньчжоу уже сделал две жерди для сушки, и одеяла уже висели на солнце. Теперь он разделявал бамбук на пластины. Увидев взгляд Нин Гуйчжу, он поднял толстое бамбуковое колено:

— Такое подойдёт?

Этот кусок было не обхватить одной рукой, а в разрезе он был больше полутора ладоней. Нин Гуйчжу кивнул. Они взяли всё необходимое и отправились на задний двор.

Сначала они разобрали старую выгребную часть уборной. Затем уложили подготовленную бамбуковую трубу и густо утыкали землю вокруг неё бамбуковыми пластинами. После этого палкой заталкивали в щели между пластинами траву и листья. Закончив с подземной частью, Сюн Цзиньчжоу уложил сверху слой травы, на него слой бамбуковых пластин, затем ещё один слой травы. После трёх таких слоёв всё засыпали землёй и тщательно утрамбовали, стараясь как можно надёжнее перекрыть путь запахам и насекомым в уборную.

Запах там стоял не самый приятный, поэтому Сюн Цзиньчжоу взял всю работу на себя и лишь изредка звал Нин Гуйчжу посмотреть, правильно ли он всё делает. Нин Гуйчжу не спорил. Снаружи он без остановки готовил траву и землю, а заодно, глядя на постепенно вырисовывающуюся конструкцию, продолжал совершенствовать устройство уборной.

Когда все отверстия были закрыты, пришла очередь самого места для нужды. Толстое бамбуковое колено, которое Сюн Цзиньчжоу специально показывал ему раньше, предназначалось именно для этого. В поперечнике оно было широким, но не слишком длинным, поэтому пользоваться им приходилось бы немного тесновато. Однако всё равно это было намного удобнее прежней уборной.

Правда, соединить его с бамбуковой трубой снизу оказалось непросто. Нин Гуйчжу потратил на это немало времени и даже испортил одну заготовку, прежде чем нашёл подходящий способ крепления.

— Потом каждый день ставь здесь ведро воды. Сходил в туалет - сразу смыл. Так этот бамбук

прослужит подольше, — сказал Нин Гуйчжу.

Долговечность у бамбука была ограниченной, а уж в уборной тем более. Вполне возможно, что через пару лет всю эту конструкцию придётся менять заново.

Сюн Цзиньчжоу осмотрел ставшую аккуратной и опрятной уборную и сказал:

— Потом можно будет спросить в гончарной мастерской, смогут ли они обжечь что-нибудь керамическое. Такое прослужит дольше.

Нин Гуйчжу: «...»

Он покосился на мужа:

— Если делать на заказ, это ведь будет стоить немало?

Сюн Цзиньчжоу протянул:

— М-м.

А затем уверенно заявил:

— Если вещью пользуются, то деньги потрачены не зря!

Нин Гуйчжу рассмеялся. Вопросы расходов можно было оставить на потом. Они вернулись на передний двор. Нин Гуйчжу зашёл в спальню, достал для Сюн Цзиньчжоу чистую одежду на смену, затем отправился на кухню, перелил кипяток из глиняного котла в деревянную бадью и отнёс её к колодцу, чтобы разбавить холодной водой.

От Сюн Цзиньчжоу после работы ощутимо пахло, и он сидел рядом на корточках, наблюдая за его действиями. Когда бадью для купания перенесли в купальню, Нин Гуйчжу поставил у двери маленькую скамеечку и положил на неё одежду. Пока Сюн Цзиньчжоу мылся, он занялся нагреванием воды для мытья волос.

Нин Гуйчжу подумал, что если в глиняный котёл, где только что кипятили воду, снова налить холодную и поставить на огонь, он может треснуть, поэтому на всякий случай заменил его другим.

Пока вода грелась, он приподнял крышку соседнего котла и заглянул внутрь. Бульон, который томился всё утро, стал светло-жёлтым, сверху плавал тонкий слой жира - на вид он уже казался очень вкусным. Нин Гуйчжу добавил немного соли, снова накрыл крышкой и оставил

ещё ненадолго.

Щенки, уже набегавшись и снова успевшие выбежать наружу, в очередной раз вернулись домой. На этот раз они наконец привлекли внимание человека. Нин Гуйчжу потрепал их по головам и заодно погладил животы.

— Ладно-ладно, сейчас дам вам есть. Сегодня добавим ещё один маньтоу, хорошо?

Щенки тихо заскулили и, виляя хвостами, потрусили за ним. Нин Гуйчжу приготовил им еду, присел рядом и смотрел, как они с громким чавканьем едят. Ему стало немного жалко их, и он коснулся щенячьих голов, подумав, что в будущем лучше сначала следить, чтобы они поели, а уже потом выпускать играть.

Когда щенки наелись до круглых животов, он снова потрепал их и повёл на передний двор.

На земле во дворе после работы с бамбуком повсюду лежали щепки и обломки. Нин Гуйчжу взял метлу, смёл их в одну кучу: когда высохнут, можно будет использовать для растопки.

Пока он возился, мимо проходил человек и, заглянув во двор, спросил:

— Это дом Сюн-батоу?

Нин Гуйчжу поднял голову. Пришедшего он не знал: тот был в грубой короткой одежде и держал в руке тканевый мешок, неизвестно с чем.

— Да, — Нин Гуйчжу отставил метлу. — А вы кто?

Тот потёр руки:

— Сюн-батоу говорил, что хочет ставить дворную стену. Я пришёл посмотреть место.

Значит, каменщик. Нин Гуйчжу быстро подошёл к воротам и открыл:

— Проходите. Подождите немного, Цзиньчжоу ещё моется. Или можете спросить меня.

— Хорошо.

Каменщик вошёл за Нин Гуйчжу во двор. Когда тот направился на кухню, гость чинно смотрел на бамбуковую изгородь вокруг, но внимание его всё равно утягивал аромат костного бульона в воздухе.

— Выпейте воды, — Нин Гуйчжу вышел с чашкой.

Каменщик только когда тот подошёл ближе, с трудом отвлёкся от запаха бульона. Он взял воду, сделал глоток и перешёл к делу:

— Какой высоты вы хотите стену? Сколько ворот оставить? Есть ещё какие-нибудь требования?

Если думать только о безопасности, чем выше стена, тем лучше. Но с учётом света и проветривания Нин Гуйчжу назвал каменщику высоту в два метра три, попросил сделать главные ворота со стороны двора и ещё маленькую калитку со стороны леса, чтобы было удобно ходить туда косить траву и собирать дикорастущую зелень.

Говоря, он водил каменщика вдоль бамбуковой изгороди, показывая место.

Сюн Цзиньчжоу, услышав голоса из купальни, быстро смыл с себя пену от мыльных бобов, втянул внутрь одежду, оделся и вышел, направившись на звук.

— До чего уже договорились?

— Сюн-батоу, — каменщик поздоровался с ним. — В целом всё обсудили. Посмотрите, есть ли что добавить.

Сказав это, он кратко повторил требования Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу немного подумал:

— Сделайте несколько каменных окошек. Летом, когда дует ветер, будет прохладнее.

— Хорошо.

Каменщик прикинул цену и спросил:

— Рабочих вы сами найдёте или мне людей привести?

— Ты приводи.

В таком деле всё же спокойнее положиться на умельцев. Правда, Сюн Цзиньчжоу завтра снова нужно было выходить на службу, так что потом придётся попросить родителей присматривать за работой.

Каменщик уже всё понял и, указывая на изгородь, объяснил им план будущей стены. Когда места ворот и окошек были окончательно определены, он назвал цену:

— Вместе с работой выйдет три ляна четыре цянтя. Сначала четыре цянтя задатка, когда стена будет готова - оставшиеся три ляна. Есть вопросы?

— Нет.

Нин Гуйчжу поспешил в дом за деньгами. Отдав четыреста медяков, они окончательно договорились. Каменщик ушёл из деревни Сяохэ со своими вещами, а внимание Нин Гуйчжу уже снова вернулось к Сюн Цзиньчжоу. Он потянул его за собой:

— Пойдём-пойдём, волосы мыть. Вода уже должна закипеть.

Сюн Цзиньчжоу пошёл следом. Вода и правда закипела. Глиняный котёл был немаленьким. Нин Гуйчжу сначала отлил половину, разбавил холодной водой, добавил мыльные бобы и велел Сюн Цзиньчжоу вынести всё наружу мыть волосы, а сам долил в оставшийся кипяток немного холодной воды и снова поставил греться.

Длинные волосы мыть было хлопотно. Выйдя с кухни, Нин Гуйчжу помог Сюн Цзиньчжоу тщательно их промыть. Вода после давно не мытых волос получилась грязноватой. Сам Сюн Цзиньчжоу обычно не видел в этом ничего особенного - у всех так, но, заметив, что Нин Гуйчжу несколько раз опускал взгляд на воду, он почему-то смутился, кашлянул и поспешно вылил её.

Волосы промыли дважды. Нин Гуйчжу посмотрел на костный бульон, который всё сильнее пах из котла, и сказал:

— Сходи позови отца с матерью. Сегодня будем есть лапшу на костном бульоне.

Сюн Цзиньчжоу откликнулся и вышел. Нин Гуйчжу остался дома: замесил тесто, раскатал его и нарезал лапшу. Готовую лапшу он встряхнул, разложил рядом, затем вынул из котла кости и опустил туда лапшу. Пока лапша варилась, он ходил на задний двор, сорвал немного зелёного лука, вымыл и мелко нарезал.

За делами подошла и семья.

— Как вкусно пахнет! — ещё не войдя во двор, трое детей уже щебетали наперебой, полные ожидания обеда.

Ван Чуньхуа и Лю Цюхун вошли на кухню, закатывая рукава:

— Чжу-гер, чем помочь?

— Всё уже готово, — ответил Нин Гуйчжу. — Невестка, мама, вынесите эти кости. Пусть все поделят и объедят мясо, а обглоданные кости сложите вместе, потом я отдам их собакам.

Лю Цюхун на мгновение замерла, нашла чашку, отложила Нин Гуйчжу две кости, где мяса было побольше, и только потом вынесла таз. Раньше такие покупные кости они бы варили три-пять раз, пока совсем не исчезнет мясной вкус, и лишь потом отдали бы собакам. Но у второго сына теперь жизнь была лучше, чем у них в прежние годы, да и сами они пришли просто поесть готового - такие слова лучше было не говорить.

Лю Цюхун думала об этом, но скрывать мысли у неё не получалось. Стоило ей выйти с кухни и начать делить кости, как трое мужчин в семье всё поняли. Сюн Цзиньчжоу сдержал смех и не стал прямо указывать матери на это. Пусть сама постепенно привыкает.

Мяса на костях оставалось немало, и, взявшись за еду, все быстро забыли о приличиях. Сюн Цзиньчжоу с костью в зубах вернулся на кухню, увидел, что отложенные матерью для Нин Гуйчжу кости ещё не тронуты, и тут же оживился. Он тихонько подошёл, взял чашку, зажал кость пальцами и поднёс к Нин Гуйчжу с полным ожидания голосом:

— Попробуй.

У него во рту всё ещё была другая кость, поэтому слова прозвучали невнятно. Нин Гуйчжу, увидев внезапно оказавшуюся перед лицом кость, машинально чуть отстранился и беспомощно сказал:

— Я сам поем.

Сюн Цзиньчжоу тут же поник, словно большой пёс с промокшей шерстью.

— Ну ладно.

— ...

Нин Гуйчжу открыл рот и откусил маленький кусочек мяса. Глаза Сюн Цзиньчжоу мгновенно загорелись. Когда Нин Гуйчжу съел мясо, которое легко снималось с поверхности, он побежал за палочками, чтобы выковыривать для него кусочки из щелей.

Щёки Нин Гуйчжу всё ещё горели, но он не стал его останавливать. Опустив взгляд, он посыпал лапшу зелёным луком, добавил соевый соус и соль для вкуса и цвета, а затем разлил готовую лапшу из котла по чашкам.□

— Еда готова!

Услышав голос Нин Гуйчжу, Ван Чуньхуа отложила кость, вытерла рот платком и вошла на кухню. Чашка за чашкой лапша отправлялась на стол. Вся семья расселась вокруг: глоток нежной, упругой лапши, глоток до предела наваристого костного бульона, ещё пару кусочков мяса с кости - ели с невероятным удовольствием.

К концу не осталось ни капли бульона, а многие кости оказались разгрызены. Нин Гуйчжу посмотрел на костные крошки перед ними, потом на свои большие кости в чашке и вдруг почувствовал, что слишком расточителен. Но продолжать грызть он всё равно не собирался - зубы у него не настолько крепкие.

После ароматного обеда Сюн Цзиньчжоу начал собирать посуду и заодно рассказал, что они собираются строить дворную стену. Услышав это, Лю Цюхун сразу сказала:

— Тогда мы с твоим отцом будем чаще заходить. Заодно помогу Чжу-геру с готовкой.

— Тогда придётся побеспокоить отца и матушку, — сказал Нин Гуйчжу.

— Что ещё за «беспокоить», — Лю Цюхун махнула рукой, явно не любя такие слова.

Ещё немного поговорив о стене, семья разошлась. Погода стояла хорошая, дел хватало, кто же станет всё время сидеть без дела?

Когда они ушли, Нин Гуйчжу собрал костные крошки в чашку, взял две оставшиеся после себя кости и пошёл искать собак.

— Даван, Эрцай, смотрите, что это!

Щенки были ещё маленькие и раньше костей не грызли, поэтому сначала растерялись. Но это не помешало им, услышав голос хозяина, тут же подбежать и с любопытством обнюхать добычу. Учувя аромат, оба начали так вилять хвостами, что те почти превратились в пропеллеры, и нетерпеливо заскулили. Нин Гуйчжу поманил их обратно во двор, положил кости под навесом и оставил щенкам грызть. Поднявшись, он увидел, что Сюн Цзиньчжоу уже моет посуду. Он вошёл, вымыл котёл, оставил воду после мытья в стороне, затем ещё дважды сполоснул котёл чистой водой и начал греть воду для купания и мытья головы.

Когда тело стало чистым, а дом прибранным, они сели во дворе греться на солнце и зевать.

Всё было спокойно и лениво. Под навесом всё ещё слышалось, как щенки грызут кости: шуршание, поскуливание - ни минуты тишины. Распущенные волосы под солнцем быстро перестали капать. Нин Гуйчжу прислонился к Сюн Цзиньчжоу и сонно пробормотал:

— Давай потом принесём ещё бамбука, я сделаю лежак. Летом на нём спать прохладно, а в другое время можно постелить одеяло и сидеть на солнце.

Сюн Цзиньчжоу тут же ответил:

— Хорошо. Потом схожу за бамбуком.

— Не надо, — сказал Нин Гуйчжу. — Мы же договорились, что сегодня отдыхаем.

Он только вернулся после разъездов с указами, и Нин Гуйчжу всё время казалось, что дорога была очень тяжёлой; ему хотелось, чтобы Сюн Цзиньчжоу как следует отдохнул.

Услышав, что стоит за словами Нин Гуйчжу, Сюн Цзиньчжоу повернул голову и поцеловал его в макушку.

— Как скажешь.

Солнце в начале лета уже припекало довольно сильно. Посидев немного под ним, Нин Гуйчжу потянул Сюн Цзиньчжоу обратно под навес. Прислонившись к стене, он начал сонно клевать носом. Сюн Цзиньчжоу потрогал его волосы и, убедившись, что у корней они почти высохли, мягко подтолкнул его:

— Пойдём спать в комнату.

Прошлой ночью они и так толком не выспались, а утром ещё возились с уборной. После обеда следовало хорошенько отдохнуть.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу невнятно отозвался, открыл глаза и вместе с Сюн Цзиньчжоу вошёл в спальню.

<http://bllate.org/book/14958/1689537>